

**Д. М. Петрушевский**

**Очерки из истории  
английского государства и  
общества в средние века**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 93  
ББК 63.3  
Д11

Д11 **Д. М. Петрушевский**  
Очерки из истории английского государства и общества в средние века / Д. М. Петрушевский – М.: Книга по Требованию, 2026. – 232 с.

**ISBN 978-5-458-36019-7**

В монографии исследуется история Англии в средние века: процесс становления общества и элиты, период норманнского завоевания, принятие Великой Хартии Вольностей, политическая борьба во второй половине XIII века.

**ISBN 978-5-458-36019-7**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



## ОТ АВТОРА

Это новое, четвертое издание «Очерков» не является простой перепечаткой третьего (1930 г.), тщательно переработанного и дополненного. За последнее время в Англии появился ряд работ, по-новому осветивших политический кризис второй половины XIII в. и, в частности, совсем в ином свете представивших деятельность временного правительства, созданного Оксфордским парламентом 1258 г. До сих пор в баронах, взявших в свои руки власть в результате революции 1258 г., видели просто олигархов, которые имели в виду лишь свои узко сословные интересы и доставшаяся им властью пользовались лишь для их возможно полного удовлетворения. Мнение это опиралось на показания некоторых источников летописного характера, недостаточно исследованные и не поставленные в связь с данными документов, до тех пор не привлекавшихся к изучению этой эпохи. В настоящее время, после исследования Jacob'a, Powicke'a и Treharne'a, для нас стало ясным, что захвативший в свои руки верховную власть Совет пятнадцати был одушевлен искренним стремлением к коренным реформам в управлении, имевшим в виду интересы широких слоев населения, и с первых же шагов своей деятельности решительно взялся за проведение их в жизнь, не останавливаясь перед самыми радикальными по тому времени мероприятиями, и что, если его реформаторская деятельность продолжалась лишь короткое время, в течение которого он все же успел сделать очень много, то причиной этого было отсутствие согласия среди членов совета и среди баронства, на которое он опирался, что позволило королю и его приверженцам расстроить так удачно сложившуюся было на первых порах комбинацию. Выпуская в свет новым изданием эти свои «Очерки», автор счел необходимым внести поправки в свое изложение деятельности временного правительства 1258 г. и дополнить его новыми материалами.

*Д. Петрушевский*

---

## ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Предлагаемые читателям «Очерки» выходили в свет дважды, в 1903 и в 1909 гг., входя в издававшуюся Акционерным обществом Брокгауз-Ефрон под редакцией Н. И. Кареева и Н. В. Лучицкого серию «История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время». Они ставили себе весьма скромную задачу: по возможности конкретно изобразить лишь некоторые основные моменты в истории государства и общества средневековой Англии, чтобы сделать понятным общий ход ее политического развития и выяснить генезис тех ее государственных учреждений, которые потом стали достоянием всего цивилизованного мира. Англо-саксонское развитие с его политической и социальной стороны, Нормандское завоевание и его определяющая роль в политической эволюции средневековой Англии, организация англо-нормандского государственного порядка, смутное время в английском государстве и реформы Генриха II Плантагенета, Великая хартия вольностей, политическая борьба второй половины XIII в. и возникновение парламента—вот темы и вопросы, с которыми имел дело читатель «Очерков». Ему было обещано продолжение этих «Очерков» (ввиду этого они были обозначены на заглавном листе как «часть первая»), в котором имелось в виду проследить быстрый и сильный рост парламентской свободы и форм, в которых она осуществлялась, а также подробно остановиться на хозяйственной и социальной эволюции Англии, как она развивалась после Нормандского завоевания до конца средних веков, но обещание это так и осталось невыполненным.

Ровно четверть века прошло со времени первого издания этих «Очерков» (второе издание представляло лишь простую перепечатку первого), и за это время вопросы, которым они были посвящены, получили во многом иную постановку и иначе были освещены в английской научной литературе, чем это было в конце прошлого и в начале нынешнего столетия, когда в ней господствовала в известном смысле националистическая точка зрения на генезис английских государственных учреждений, видевшая в них дальнейшее развитие прежде всего чисто германских, англо-саксонских порядков, выводившая английскую конституцию и английскую политическую и гражданскую свободу из романтически, в духе романтической школы, истолкованных политических и социальных условий, в которых находились описанные Цезарем и Тацитом германцы. В настоящее время эта точка зрения, свое классическое выражение нашедшая в трудах Фримана и Стэббса,

уже отошла в прошлое. Теперь исследователи английского далекого прошлого сильно подчеркивают роль континентальных влияний в процессе генезиса английских учреждений, не умаляя при этом всего своеобразия этих учреждений, сообщенного им своеобразным ходом исторического процесса, как он развивался в английских условиях, и особенно большое значение придают феодальным порядкам, перенесенным из Нормандии Вильгельмом Завоевателем на уже подготовленную почву и здесь получившим дальнейшее развитие в соответствии с созданными Нормандским завоеванием общими политическими условиями. Пересматривая свои «Очерки» для нового издания, автор, естественно, должен был со всем вниманием отнестись к взглядам, постепенно возобладавшим в английской историографии, да и собственные его взгляды по основным вопросам средневекового развития не остались за это время без изменений. Основное содержание «Очерков» сохранилось и в этом новом, тщательно пересмотренном и исправленном издании; они попрежнему остались очерками политического развития средневековой Англии; автор счел при этом нужным не только исправить все то, что нуждалось в исправлении, но и внести в текст ряд существенных дополнений, чтобы сделать во многом более ясным и отчетливым представление читателя о государственном строе тогдашней Англии и об его эволюции; счел он нужным и расширить хронологические рамки «Очерков» и посвятить ряд новых страниц истории английского парламента в XIV и XV вв., в течение которых все отчетливее и отчетливее вырисовывался внешний и внутренний облик его, росла его политическая сила и расширялась его компетенция, а также судебным порядкам, как они сложились в Англии за это время, оттеснив совершенно на задний план старые «народные» учреждения, судебные собрания сотни и графства, а также учреждения феодальные (феодальные курии), которые постепенно уступили свое место органам королевской юстиции как центральным, так и местным и до сего времени сохраняющим свою компетенцию и свою структуру. Автору казалось нелишним внести в свои «Очерки» еще одно дополнение, но уже несколько иного характера. И в связи с новыми течениями в английской историографии и в результате собственных размышлений о существе феодального порядка как такового автор все более и более утверждался в мысли, что английский феодализм благодаря своеобразию английского политического развития, как оно сложилось после Нормандского завоевания, представляет собою нормальный феодальный порядок—как определенными признаками характеризующуюся форму государственного устройства и управления, опирающуюся на определенную социальную структуру общества—и в этом отношении приближается к своему идеальному типу, что средневековая Англия после Нормандского завоевания может быть рассматриваема как нормальное феодальное государство, а ее эволюция—как нормально протекавшая эволюция феодального государства, постепенно заменявшего свой

феодалный аппарат иными по их социальной природе правительственными органами, что сообщает истории средневековой Англии помимо общеисторического интереса еще и глубокий социологический интерес. История средневековой Англии не только глубоко интересует всякого культурного человека как местная лаборатория, в которой вырабатывались высокие культурные ценности, ставшие достоянием всего культурного человечества, но она в исключительно высокой мере поучительна и в том отношении, что ее весьма индивидуальный процесс представляет собой нормальный процесс эволюции нормального феодального государства, притом протекавший с редкой ясностью и отчетливостью, и тем бросает яркий свет на социологическое существо феодального порядка.

И вот, чтобы сделать для читателя ясным такое понимание политической истории средневековой Англии, автор счел нужным предпослать конкретному изложению этой истории теоретическое *введение* и в нем изложить свои соображения о феодализме как определенной форме государственного устройства и управления и об английском феодализме как его идеальном типе.

В таком виде выпуская в свет свои «Очерки», автор считает себя в праве рассматривать их как законченную работу, а не как лишь первую ее часть.

---

## ВВЕДЕНИЕ

# ФЕОДАЛИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА<sup>1</sup>

### I

Полная определенность и ясность общих понятий и совершенно отчетливая их формулировка в такой же мере необходимы для исторической науки, как и для всякой другой, и, может быть, никогда эта потребность так остро не ощущалась исторической наукой, как в настоящее время, когда все более и более выясняется логическая природа и структура исторического изучения и тем обнаруживается все с большей и большей непрерываемостью историческая основа всех наук об обществе и культуре. Все общественные науки ориентируются на «историю», вернее—сами являются составными частями ее как науки об общем и в то же время как науки об индивидуальном<sup>2</sup>. В успехах исторического изучения заинтересованы все общественные науки, а ясность и отчетливость общих понятий, представляющих собою продукт логической переработки исторической действительности, является необходимым условием этих успехов.

Между тем достаточно беглого взгляда на современное состояние общественных наук, чтобы не оставалось сомнения, что в самых основных вопросах исторического изучения дает себя знать большой разброд общих понятий. Контroversы, сосредоточивающиеся около таких вопросов, как вопрос об экономическом развитии древнего мира, о генезисе современного капитализма, в связи с этим и о средневековом капитализме, о натуральном хозяйстве как основе общественного и политического строя средневековой Европы и т. п., несомненно свидетельствуют о большом оживлении в ученом мире современной Европы, лишь недавно пережив-

---

<sup>1</sup> Первоначально напечатано в юбилейном сборнике в честь проф. Н. И. Кареева «Из далекого и близкого прошлого», 1923 г.

<sup>2</sup> Подробнее об этом я говорю во «Введении» к своим «Очеркам из истории средневекового общества и государства», изд. 4-е и 5-е, а еще более обстоятельно—во «Введении» к моим «Очеркам из экономической истории средневековой Европы», Москва 1928 г.

шей великую бурю, и в то же время вскрывают и ярко освещают основной дефект европейской общественной науки—невъясненность ее основных понятий, тех основных социологических категорий, без которых совершенно немислима никакая научная работа над явлениями общественного развития. Многие в этих ученых спорах объясняется тем, что спорящие обозначают одними и теми же словами далеко не одни и те же понятия. Это последнее обстоятельство не в малой мере имеет своей причиной недостаточное внимание исследователей к логической природе применяемых ими понятий. В спор о генезисе современного капитализма, например, было бы внесено больше ясности, если бы спорящие давали себе вполне ясный отчет в том, что понятие «капитализм» имеет не одно и то же содержание и не один и тот же объем в зависимости от того, будем ли мы его рассматривать как категорию чисто историческую или же как категорию социологическую, т. е. будем ли мы соединять в понятии «капитализм» общие черты, типические для капиталистического строя Европы XIX и XX вв. в его индивидуальности, или же, не ограничиваясь материалом экономического развития Европы названных двух столетий, будем изучать капиталистическое развитие и в древнем мире, и в средневековой Европе и везде, где только его можно наблюдать, с целью выяснения и конструирования понятия «капитализм» в его социологическом существе, как категории вневременной и внепространственной и в то же время применимой ко всякому времени и ко всякой широте и долготе, где только наблюдаются явления капиталистического порядка. Недостаточно ясное разграничение *социологических категорий и категорий исторических* наблюдается во всех отраслях обществоведения и является одним из главных источников недоразумений и споров по основным вопросам западно-европейского развития, затрудняя правильную их постановку и их приемлемое для всех решение.

Да и самая проблема выяснения логического существа этих категорий не достаточно ясно сознается как настоятельно требующая к себе внимания очередная задача, стоящая на первом месте в порядке сегодняшнего дня. Те общие понятия, которыми пользуется современная историческая наука, требуют тщательнейшей логической обработки именно с этой точки зрения, и только тогда станет ясным их логический характер, и вместе с тем выяснится и их методологическая ценность. Тогда, может быть, не будет вызывать недоумения и «вотчинный капитализм» (*der grundherrliche Kapitalismus*), который Допш видит в средневековой Европе, и окончательно будет ликвидирована натурально-хозяйственная концепция средневекового развития, и «городское хозяйство» (*Stadtwirtschaft*) перестанет быть бледным силуэтом средневекового города в его явно немецкой и мелкопровинциальной индивидуальности и приобретает идеально типические черты социологической «утопии»; также, может быть, и случаи модернизации станут редкостью: разумею совершенно недопустимое

логически навязывание *историческим* категориям «непосильной для них *теоретической* службы», т. е. применение их в качестве социологических категорий, перенесение их из той индивидуальной, исторической обстановки, в которой они только и применимы, в иную, столь же индивидуальную историческую обстановку; а с другой стороны, перестанут смущать случаи истолкования и конструирования явлений отдаленного прошлого в терминах понятий, выработанных прежде всего на материале новейшего развития, раз эти по своему происхождению чисто исторические понятия были переработаны в социологические категории. Тогда, быть может, получит определенно социологическую постановку и «феодализм», в которой он так нуждается в настоящее время.

## II

Давно уже отошло в прошлое то время, когда словом «феодализм» обозначали явления исключительно из истории средневековой Европы, понимая, следовательно, феодализм как категорию вполне историческую. Нельзя сказать, чтобы в эту категорию внесена была тогда полная ясность и определенность. Но все же надо сказать, что ясности и определенности у исследователей, живших и писавших о феодализме в первой половине XIX в., было несравнимо больше, чем у их преемников. Можно в общем сказать, что более ранние исследователи понимали феодализм как известный *политический* порядок, порожденный рассеянием суверенитета, и для них шел вопрос лишь о том, какие причины в истории средневековой Европы вызвали к жизни это явление. Исследователи, писавшие о феодализме во второй половине прошлого века, приступали к изучению феодализма, одушевленные интересом к социальной и хозяйственной истории, желая понять и истолковать феодализм как известный общественный порядок, обусловленный прежде всего хозяйственными соотношениями. Поместный строй и сельская община, крепостное право, барщина, натуральное хозяйство—вот темы, на которые было теперь направлено внимание исследователей феодализма, и чем дальше, тем все больше и больше проблема феодализма превращалась в проблему социальной и хозяйственной истории. В то же время с успехами сравнительно-исторических изучений становилось все более и более ясным, что феодальный порядок не есть продукт местного, европейского средневекового развития, что феодальные явления можно наблюдать и в древней Греции, и в Риме, и в обществах древнего Востока, и у славянских народов, и у арабов, и в Японии и в Китае, что едва ли можно назвать такое общество, которое не переживало бы в том или ином виде феодализма; и этнология, со своей стороны, лишь подкрепляла данными своих наблюдений правдоподобие такого заключения. «Феодализм» переставал быть категорией чисто исторической и становился категорией

явно социологической. Мы должны это признать совершенно недвусмысленно. Ход развития исторических изучений поставил нас лицом к лицу перед *проблемой конструирования «феодализма» как социологической категории*. Это—очередная задача исторической науки, и ее разрешение настоятельно необходимо для дальнейших успехов изучения общественной эволюции. Необходимо конструировать идеально-типический образ феодализма, в котором объединены были бы рассеянно и раздельно в конкретной исторической действительности существующие типические черты феодализма в свободную от свойственных конкретной действительности противоречий законченную картину. Этот идеально-типический образ, естественно, не совпадал бы ни с какой конкретной индивидуальной действительностью и являлся бы лишь чистым, предельным понятием, к которому примеривался бы всякий конкретный индивидуальный порядок и от этого становился бы понятным и ясным в своей индивидуальности. Не совпадая ни с одним конкретным индивидуальным случаем феодального развития, такой идеально-типический образ феодализма в то же время являлся бы, таким образом, ключом для понимания каждого такого случая, представляя собою социологическую категорию, без которой не может существовать и нормально развиваться историческая наука, даже если бы она видела свое единственное призвание в изучении исторической действительности исключительно индивидуализирующем.

Возвести феодализм из исторической категории в категорию социологическую вовсе не значит признать феодальный порядок неизбежной ступенью, через которую «должно» пройти всякое человеческое общество, и нам кажется, что после сделанных нами разъяснений нет надобности входить в рассмотрение этого пункта.

Индивидуализирующее, идиографическое изучение и изучение генерализирующее (номографическое) идут рука об руку, одно помогая другому, одно делая возможным другое. Едва ли есть надобность распространяться о том, что конструирование идеально-типического образа феодализма возможно лишь путем самого интенсивного исследования возмозможного большего количества случаев феодального развития во всей его индивидуальности в каждом отдельном случае, но что, с другой стороны, эта работа сильно тормозится тем, что приходится проделывать ее, не имея в распоряжении хотя бы гипотетического, но более или менее определенного представления о феодализме и феодализационном процессе как об определенном общественном порядке, вызванном определенными причинами и имеющем определенный социологический смысл.

Это затруднительное положение, в которое попадает в настоящее время исследователь, интересующийся феодализмом, станет ясным, если обратить внимание на то, что ставшая популярной хозяйственная ориентировка феодализма в последнее время

потерпела едва ли не полное крушение, во всяком случае получила ряд весьма чувствительных ударов после того, как все более и более стала выясняться вся иллюзорность натурально-хозяйственной концепции средневекового строя. В моей работе «Феодализм и натуральное хозяйство», а также в заключении моих «Очерков из истории средневекового общества и государства» (изд. 4-е и 5-е) я более пространно рассматриваю этот вопрос и прихожу к заключению, что феодализм не может быть ориентирован не только на натуральное хозяйство (которого не существовало в средние века), но и на хозяйство вообще, что, конечно, феодальные соотношения связаны со всеми другими общественными соотношениями, а, следовательно, и с хозяйственными, но что нельзя констатировать особенно тесной, интимной связи между феодальными и хозяйственными соотношениями, что феодализм не создал особых феодальных форм хозяйства и довольствовался приспособлением к своим надобностям до него сложившегося помещичьего строя с его барщиной, «крепостничеством» и всеми другими особенностями хозяйственного и социального строя помещья, как он довольствовался и вообще лишь приспособлением и других до него сложившихся форм жизни, не подвергая общественного и политического порядка радикальной ломке. В результате этого рода соображений я прихожу к мысли, что ближе были к пониманию существа феодализма старые историки, сосредоточивавшие свое внимание на рассеянии суверенитета, видевшие в феодализме явление политического, государственноправового порядка. Не в этом ли направлении и нам следует двигаться, отправляясь на поиски типических черт феодального строя и феодального процесса? Не следует ли, скрепя сердце, убрать все те историко-хозяйственные сооружения, которыми почти совершенно застроена вся территория феодализма, и вернуть феодализму то государственноправовое значение, которое ему по праву принадлежит, восстановить его во всех правах как категорию по основному своему существу политическую?

Конечно, мы более сложно и более социологически мыслим, чем историки отдаленного прошлого; многие годы и десятилетия европейского научного развития не прошли для нас даром и обогатили наше понимание исторического процесса, его соотношений и его результатов, и мы осязательно чувствуем всю сложную социологическую обусловленность и феодального развития и феодального строя. В частности для нас вполне ясна социальная обусловленность феодального порядка, та социальная обстановка, которая является необходимой предпосылкой феодального порядка как определенной формы государственного строя, и государственного управления, тот социальный строй, на котором зиждется феодальная система государственного управления и который представляет собою организованную государственной властью из наличного социального материала систему политически соподчиненных государственных, в той или иной мере тяглых сословий.

Мы ясно представляем себе, что феодальный государственный порядок немислим был бы без предшествовавшего ему процесса социальной дифференциации, сделавшей возможной аристократическую структуру общества и личную и хозяйственную зависимость значительной части массы от хозяйственно и социально сильных элементов общества и заставившей государственную власть вмешаться в этот гетерогенный по существу процесс и дать ему соответствовавшее ее государственным целям направление, организовав сложившиеся в процессе этой дифференциации общественные классы в государственные сословия и возложив на каждое из них соответствующее его социальной силе и роду жизни государственное тягло, проводя таким образом в жизнь то, что можно назвать принципом *государственного разделения труда*. Этот предшествующий возникновению феодального строя процесс социальной дифференциации протекал в разных обществах по-разному в смысле вызывавших и двигавших его условий и сил, но общий социальный результат его был везде один и тот же: аристократическая структура общества и зависимость массы от верхнего слоя. В какой именно конкретной форме использует для своих надобностей государство эти социальные соотношения, какой конкретный, индивидуальный облик получит тот феодальный строй, который будет организован государством на этой социальной основе (будет ли это, например, городской феодализм, через который проходили на ранних ступенях своего развития города-государства античного мира с их синойкизмом правящего и военного сословия и поселением его внутри городских стен, или же более широко известный феодализм новой Европы с представителями военного и правящего сословия, не перестававшими обыкновенно жить в своих деревенских поместьях и замках, как жили до поры до времени и феодалы античного города-государства), это будет зависеть от всей индивидуальной совокупности индивидуальных условий каждого данного случая. Но какова бы ни была индивидуальная форма феодального строя, *следует строго различать феодальный строй от его социальных и хозяйственных предпосылок* и твердо помнить, что феодальные соотношения по существу — соотношения политические, что это лишь та власть и та зависимость между социальными группами, которая имеет исключительно политическую природу и возникла в результате (в конечном счете) передачи государственной власти представителям и социально уже сильного, и социально уже властвовавшего над массой высшего и ставшего теперь правящим сословия. Коммендация, патронат (сеньерат), развитие частной власти не есть еще феодализм; это еще чисто социальные результаты процесса социальной дифференциации, это еще лишь социальные предпосылки феодализма, его социальная подготовка. Возникшая на основе коммендации частная власть сеньера сама по себе есть не более, как *частная* власть, возникшая в результате частного соглашения, частного договора сторон, и такой она и остается до тех пор, пока созданными на ее почве